

ГРЕЮТ ЛИ ДУШУ АМЕРИКАНСКИЕ «ЗВЕЗДЫ»

Умирая, Баланчин сказал: «Не хочу, чтобы эта труппа осталась музеем...»

Татьяна Кузнецова

Балет

КОГДА мы увидели в Москве «Звезды американского балета» из балетного Нью-Йорк Сити Балет, было совершенно ясно: события не произошло. Вроде бы и зал был полон, и публика аплодировала, но ажиотажа или восторга, тем более споров, не было. Баланчин в исполнении специалистов по Баланчину выглядел не столь блистательно и безупречно, как мы ожидали, «Родео» воспринимался безнадежным анахронизмом. Так что же это? Труппа считается одной из лучших в мире. То ли мы, замороченные собственным балетным кризисом, идеализировали давно не виденный заокеанский балет, то ли и там дело тоже идет на спад?

Несколько утешили «наши» — Валентина и Леонид Козловы, бывшие солисты ГАБТа СССР, ныне «звезды» Нью-Йорк Сити Балет (на Западе — это не просто красное словцо, это — статус, обеспечивающий иные права, иные возможности, иные гонорары). Валентина продемонстрировала отличную технику, а Леонид, несмотря на свои 44 года, на сцене выглядел стройным, подтянутым, моложавым... На осторожные расспросы относительно состава гастролеров отвечал без колебаний: «Я привез сюда почти всех «звезд» Нью-Йорк Сити Балет — семь человек. И кордебалет — наш. Артисты из Нью-Джерси танцуют только «Родео».

Так было в марте. Но и сейчас, в июле, разговор с Леонидом Козловым начался — и это естественно — с тех самых гастролей.

— Думали ли вы о том, чтобы, объединив русских, работающих за границей, создать нечто вроде школы русского балета?

— Нет, это мне в голову не приходило. Мне, скорее, доставляет удовольствие, собрав группу талантливых американских танцовщиков, вывезти их за границу, куда-нибудь на Тайвань, в Гонконг. Нью-Йорк Сити Балет пользуется колоссальным успехом на Западе. Я считаю, что это единственная компания в мире, которая сохранила свою индивидуальность. Многие труппы имеют сильных танцовщиков,

но танцуют примерно одно и то же...

— Сохранился ли в Америке (несмотря на очень сдержанные, мягко говоря, рецензии на гастроли Большого театра) пиетет по отношению к русской школе классического танца и к Большому, как бы олицетворяющему ее в глазах людей Запада?

— Безусловно. К русской школе. Мы, уехавшие на Запад, «враги родины», сделали для нее больше, чем те, кто остался. Имена «звезд» мирового балета — Макарова, Барышников, Нуриев — советские имена. Они танцуют постоянно на Западе, каждым своим выступлением утверждая приоритет русской школы. Это реалии нашей повседневной (западной. — Т. К.) культурной жизни, и это оказывает на публику влияние гораздо большее, чем какие-нибудь гастролы Большого раз в пять лет. Просто здесь не хотят себе в этом признаться.

— Вы застали Баланчина в Нью-Йорк Сити?

— Последние люди, которых он пригласил в труппу, — это Валентина и я. Но он уже был болен и поработать с нами не успел. Мы тогда выступали в бродвейском шоу «On your Tors» («На своих пуантах»). Там же работала Наташа Макарова со своим партнером Джорджем дела Пенни. Баланчин увидел нас, мы ему понравились. Как только закончилось бродвейское шоу, мы перешли в труппу Нью-Йорк Сити. Мы станцевали свой первый спектакль в труппе (это были «Четыре сезона» Дж. Роббинса на музыку Верди. Спектакль ставился на Патрицию Мак-Брайт и Мишу Барышников), но Баланчин умер. Буквально через несколько часов.

— Кто формировал программу, которую вы привезли сюда? Был ли какой-нибудь единый замысел?

— Формировал я ее сам, моя идея — показать как можно полнее Стравинского, Чайковского и Баланчина. И в то же время мне хотелось продемонстрировать, что же сегодня происходит в Нью-Йорке, чтобы вы могли посмотреть самое свежее (самое «свежее» из показанного датировано 1967 годом. — Т. К.). Я не делал программу, рассчитанную на дешевый успех. «Родео» я поставил в конце программы. Это не «бисовый» балет, не эффектный, но работа Агнес Де Милль — это типичная Америка. Любите вы ее — не любите, нравится — не нравится, но она такова...

— Вы пришли в Нью-Йорк Сити Балет 8 лет назад. Измени-

лась ли труппа за это время?

— Драматически изменилась, ведь нет Баланчина. Сам он, когда умирал, сказал: «Не хочу, чтобы эта труппа осталась музеем». И он специально поставил во главе ее молодого директора Питера Мартина — своего первого танцовщика.

— А это удачный выбор?

— Я считаю, юный.

— Для такой интеллектуальной труппы хватает ли интеллекта у ее нового руководителя?

— Да. У него прекрасная школа, он учился в Дании. Сам великолепно танцевал. И долгое время работал с Баланчиным. Мартин выбирает современных композиторов, не боится рисковать, совершать ошибки.

— Солисты, «звезды», которых вы привозили в Москву, люди уже послепаланчинской эры?

— Вам повезло, вы видите солистов старой и новой эпохи. И Юдит Фьюгейт, и Питер Болл, и Дайана Вайт были любимчиками Баланчина. Баланчин умер, но эти артисты остались ведущими в труппе.

— Значит, вы считаете, что труппа без Баланчина не деградировала?

— Нет, абсолютно. Ведь остался еще Роббинс. В Нью-Йорк Сити с 49-го года было два хореографа — Баланчин и Роббинс. Не помощник, не зеркало, но самостоятельный, очень оригинальный художник, во многом полярный Баланчину.

— Бывали вы на спектаклях Большого театра за границей?

— Да, я видел труппу в 86-м году, она произвела очень хорошее впечатление. Видел в 89-м — слабее. Видел в 90-м. Я сказал бы, что это очень слабо. «Золотой век» — это типичный Григорович. Чистоты танца, красоты, интеллигентности стало меньше, гораздо меньше. Я не был, к сожалению, на последнем «Щелкунчике», который привез Григорович под маркой Большого театра. Насколько я знаю, там мало артистов Большого и много людей, которые не имеют никакого отношения к московской школе. Но ведь на Западе все всё понимают — зачем же мочить голову. Тем более в Нью-Йорке, который в курсе всех событий: кто где работал, кто где учился, кто чего стоит. Думаю, это была одна из причин неудачи гастролей.

— Вы остались в 79-м. Вы были премьером театра. Какие партии вы танцевали тогда?

— Принц в «Лебедином», Базиль, «Каменный цветок», «Ромео» Лавровского — мы были последней парой, которую ввели в этот спектакль, — «Баядерка». С Григоровичем я приготовил Красса в «Спартаке» и станцевал его в Канаде. Был еще Тибальд.

— В общем, карьера складывалась удачно. Ваше решение остаться было обдуманным или спонтанным?

— Я думал об этом очень давно, но решиться было трудно. В такой ситуации оказываются многие люди.

Не могу сказать, что ехал с тем, чтобы остаться. Вообще я не слишком люблю рассчитывать все досконально на год или на два вперед. Решение должно приходиться внезапно... К тому же у нас с Валентиной был успех.

— Не секрет, что вы были

секретарем комитета ВЛКСМ ГАБТа. Вероятно, и коммунистом?

— Я в партийном бюро отвечал за идеологию. Комсомольским секретарем я был гораздо раньше. Три года меня куда-то не брали. И никто мне, комсомольскому лидеру, не мог объяснить, почему? И только для того, чтобы снова ездить за границу, мне пришлось вступить в партию. Советовали все друзья. Марис Лиепа, мой духовный учитель, сказал: «Леонид, надо вступать». Мы вместе с ним и вступили. Все изменилось, меня выпустили — сначала куда-то в Африку, потом в Индию. Проверили — не остался. Тогда выпустили в Америку, ну и... Так что членство в КПСС, как у большинства, не имело никакого отношения к моим убеждениям. Это чистая конъюнктура...

— В каком состоянии АБТ после ухода Михаила Барышникова? Упадок или открылось «второе дыхание»?

— Пока у них нет денег — Барышников все растратил. Что же касается «второго дыхания», то я не знаю, как можно на Западе без денег «дышать». Численность труппы сократилась до 60 человек. Это уже «средняя» труппа. Сезон там маленький, меньше полугода. Довольно плачевное состояние.

— Вы пока не чувствуете подобных затруднений?

— Нью-Йорк Сити — никогда. Это национальная гордость Америки. У нас через месяц премьера «Спящей красавицы» (самый дорогостоящий и трудоемкий спектакль балетного репертуара, на постановке «Спящей» разорился даже Дягилев. — Т. К.)

Барышникову и не снилось такое.

— В каком сейчас состоянии балетный мир Америки? (Не джаз, модерн, пост — и новейшие течения, а именно балет?)

— По-моему, весь белый свет находится в тяжелом состоянии. С деньгами трудно.

— Что-нибудь новое возникает?

— Без денег никогда не возникает ничего. Есть, конечно, талантливые танцовщики, но для новых постановок нужны средства. А их нет нигде — поверьте, я сейчас много общаюсь с импресарио.

— Как вы думаете, вокруг вас еще есть ореол «звезды Большого театра» или вы уже стали только американским танцовщиком?

— Я никогда не был «звездой Большого». Солистом был. А в «звезды» никогда и не попадал.

— Как вам сотрудничает с Дягилевским центром, открывшимся в Москве?

— Как со всеми вашими центрами. Дело делать не умеют, хотя люди очень хорошие.

— Вы отыски от этого?

— Да. У нас за все платят, а за деньги нельзя работать так, как работают здесь.

— Как руководитель балета Нью-Джерси, какими принципами вы руководствуетесь?

— Я работаю там только потому, что в группе моя девочка, Лори Кристман. Числюсь артистическим советником. Иногда ставлю что-нибудь, иногда танцую, иногда помогаю на репетиции, но все это — из-за моей девочки...

Нью-Йорк.